

7 КРУГОВ ЯДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕЛЕНА КРЫЛОВА

18+

Елена Крылова

7 кругов яда

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Крылова Е. М.

7 кругов яда / Е. М. Крылова — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Это произведение не было написано с целью оскорбления религиозных чувств читателей. Его главная задача – попытка ответить на вопрос: что будет, если на наш с вами век выпадет Второе пришествие? Что, если это случится в наше сумасшедшее и свирепое время, наполненное большим количеством изменяющих сознания ядов и озаменованное «оскудением веры и любви в людях»? Провозгласит ли в этот раз архангел Гавриил благую весть? И, наконец, кто станет новым Иродом, а кто – Иудой? Если вы боитесь испачкаться во множестве неприятных образов и событий, что здесь представлены, лучше не читайте это. Всех остальных я горячо приветствую. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Яд №1. Алкоголь	7
Яд №2. Трава	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Крылова

7 кругов яда

Любое упоминание алкоголя или наркотических веществ является исключительно художественным приемом. Автор не пропагандирует употребление оных и предупреждает об их крайнем вреде для здоровья, а также о долгой и мучительной смерти, к которой они могут привести.

Кроме того, данное произведение не было написано с целью оскорбления религиозных чувств читателей. Его главная задача – попытка ответить на вопрос: что будет, если на наш с вами век выпадет Второе пришествие? Что, если это случится в наше сумасшедшее и свирепое время, наполненное большим количеством изменяющих сознания ядов и озаменованное «оскудением веры и любви в людях»?

Если вы боитесь испачкаться во множестве неприятных образов и событий, что здесь представлены, лучше не читайте это. Всех остальных я горячо приветствую.

Пролог

Он ворочался с боку на бок, отчаянно потел и каждые двадцать минут просыпался. Затем снова пытался устроиться поудобнее, что на его жестком ложе сделать было практически нереально, и забывался неглубоким беспокойным сном еще на двадцать минут.

Гавриил знал, что под метамфетамином (или феном, как его еще называют) уснуть трудно, да еще под таким качественным, который он нюхал сегодня. Но поспать было просто необходимо, даже если такой отдых приносил ему мучения, ведь, если он не выспится, каждый его зрачок весь завтрашний день будет размером с черную дыру.

Сны противными мелкими мошками роились над его взмокшей головой, ухватить какой-то один было тяжело, и Гаву приходилось созерцать весь этот кошмарный калейдоскоп.

Но внезапно Гавриила словно огрели по затылку чем-то очень тяжелым, из-за чего он провалился в красочный и очень реалистичный сон.

Он стоял посреди клуба, в самой людской гуще. Потные тела дрыгались невпопад музыке, но стробоскоп послушно скрывал все нелепости, создавая иллюзию ритмичных и потрясающе красивых движений. Но Гав двигаться не мог. Совсем. Ему оставалось только остолбенело стоять и слизывать с губ что-то, что с силой тропического ливня падало с потолка. По вкусу это было как самое дешевое вино, что продается в картонных пакетах и сильно отдает спиртом. Поток вина окрашивал одежду и тела всех танцующих людей в алый цвет.

– Запомни сей вкус, это кровь Христова, – закричал кто-то Гавриилу в ухо, пытаясь перервать звуки музыки.

Гав не мог повернуть голову, ведь он все так же находился в оцепенении, и ему оставалось только молча продолжать слушать голос в правом ухе, который, вроде бы, принадлежал женщине.

– На землю вновь придет Иисус и принесет себя в жертву ради всех нас, грешных. И умрет он от ядов, и суждено ему будет пройти через семь кругов этих ядов.

– Ты кто? – хотел спросить Гав, но понял, что больше не ощущает этого жаркого дыхания возле своего уха.

Тем временем толпа слегка поредела, и Гаву стал виден стриптизный шест. На него, находясь в горизонтальном положении и касаясь пола согнутыми в коленях ногами, был нанизан человек. Шест пронзал его в области живота и выходил из спины, и по шесту вниз стекали черно-бардовые струи, куда более темные, чем жидкость, льющаяся с потолка. Голова человека была откинута назад и перевернута подбородком вверх, его искаженное мукой лицо было обращено к Гавриилу, но даже так Гав смог узнать того, кого когда-то в раннем детстве видела на иконах.

Слезы стали подступать к горлу, да такой неуправляемый поток, что Гав понял: если он не позволит сейчас себе заплакать, то задохнется.

И тогда насаженный на шест человек, как будто отвечая на так и не заданный Гавриилом вопрос, произнес одними губами, глядя ему прямо в глаза:

– Кусто...

Гав проснулся и начал поспешно утирать слезы. Он был в комнате один, поэтому, все равно, никто не смог бы увидеть, что он плачет, но Гавриил стеснялся этого перед собой же самим. Когда глаза были высушены, он заключил:

– Бред ебАный, – и перевернулся на другой бок.

Яд №1. Алкоголь

Из существующих праздников больше всего меня раздражает Рождество. Какой смысл отмечать день рождения того, с кем ты не знакома и уже вряд ли познакомишься, потому что его казнили две тысячи лет назад?

Но тех, с кем я проводила эту ночь, абсолютно не волнует, что сегодня на календаре: праздник или обычный будний день. Они не упускают ни единого повода выпить или принять еще что-то, что удачно подвернется под руку. Эти люди называют себя моими друзьями, но я их ненавижу. Ненавижу даже сильнее, чем Рождество и все остальные праздники, потому что с этими людьми я теряю себя. Я ухожу из себя по крупицам, но с каждым днем это все заметнее. Я чувствую, как мое сознание, так часто расширяемое под действием таблеток, постепенно сжеживается, превращаясь из вселенной в черную дыру, и я не могу остановить этот процесс. Своей центральной нервной системой я тоже плохо владею и, то и дело, мое тело перестает меня слушаться. А в том месте, где, по идее, должна быть печень, поселился кто-то, кто часто напоминает о себе при помощи тонкой иголки, которую он в последнее время стал менять на более толстую.

Я совсем молода, но, благодаря моим друзьям, я теряю себя. И я держусь за них, чтобы не потеряться совсем, ведь без этих людей я никто и ничто.

Сегодня опять все в сборе: я, Петя, Паша, Марк, Лука, Ванек, Филя, Матвей... Нет смысла перечислять всю компанию из двенадцати человек. На этот раз парни собрались у меня дома, радуются неизвестно чему, смеются. А на столе стоят еще гости, молчаливые, как рыбы: водка и вино, а так же пиво, которым планируется заменить два первых напитка, когда они иссякнут.

Все уже изрядно напились, и предметы двоились у меня перед глазами, когда раздался долгий и жалобный звонок в дверь. Я открыла: на пороге стояла женщина, держа перед собой два огромных живота. Через пару секунд мое зрение сфокусировалось, и я поняла, что живот один. Лицо ее было не очень молодым и выражало неземные муки, а ее сухие губы прошептали:

– Помоги, рожаю...

Едва она успела произнести это, ее глаза закатились, и она упала вперед, прямо на руки вовремя подошедшего Фомы, который успел подхватить ее под подмышки. При этом все заметили, что между ее ног стекает струйка крови.

А дальше было еще хуже. Она лежала на моем диване, стонала и кряхтела, обивку заливала кровь, а лица парней – стыдливая краска. Мы столько выпили, что не могли сообразить, чем ей помочь, хотя, в любом случае, не знали, что делать в таких ситуациях. Поэтому мы стояли и просто смотрели, и наши глаза выражали удивление и отвращение одновременно. В момент, когда стала появляться голова, я не выдержала, и меня стошнило на ковер. В том, что вышло из меня, еды не было совсем, было только красное вино вперемешку с белым, и пахло это спиртом еще сильнее, чем изначально.

Благодаря этому я протрезвела, после чего осознала весь ужас ситуации: а вдруг она умрет прямо здесь? Ей, видимо, совсем туго сейчас приходится. И почему все это длится так долго?

Но, наконец, она исторгла из себя маленькое красное создание, к нашему великому облегчению, оставшись живой и, кажется, здоровой.

***

Когда все закончилось, я, Павлик и Марк стояли на балконе, закутанные в ясную синеву зимней ночи, и курили.

– Почему она назвала его Иисусом? – нарушил тишину Марк.

– Говорит, потому, что родился на Рождество, – ответила я, глядя в морозную колючую высь. – Она все пыталась выведать мое имя, говорит, чтобы знать, за чье здоровье свечу в храме поставить, но я уж не стала говорить... Смотрите, какая звезда яркая, я вроде раньше такой не замечала...

– Что еще она тебе сказала? – перебил меня Паша.

– Ну, то, что роды у нее начались преждевременно. Она сидела дома одна, ее муж-алкоголик, как всегда куда-то запропастился, и некому было отвезти ее в роддом. Даже телефона у нее, как я поняла, не было, потому что муженек его продал. Ну, и она пошла по соседям, а потом и по соседним домам, стала звонить, стучаться ко всем подряд, просила помочь. Никто ей не открыл, кроме нас, ни одна живая душа. Хотя сейчас многие дома, праздник ведь.

– Может и лучше, что в роддом не доехала. Не знаю почему, – тихо сказал Марк.

Мы замолчали. Мороз приятно остужал разгоряченные и кружащиеся головы.

***

Той же ночью в роддоме №17, где, если бы все пошло по-другому, должен был бы родиться Иисус, произошло страшное событие. Пьяная медсестра Тамара Матвеевна Пустых, которая сегодня должна была подавать раствор в кюезы, где выхаживались недоношенные младенцы, совсем запуталась в своих мыслях. Запутавшись, она случайно добавила в раствор спирт. «Совсем чуть-чуть, я ведь успела опомниться», – так объясняла она утром директрисе роддома №17, которая, как только ей доложили обо всем, обещала лично разорвать человека, убившего ночью больше десятка детей.

На самом деле, Тамара Матвеевна сказала неправду, ведь опомнилась она не скоро, а дети умирали так мучительно долго, что у нее вполне хватило бы времени их спасти.

– Ироды, – бессильно рычала директриса сквозь зубы, раня каблуками линолеум под столом и предвидя долгие судебные разбирательства.

Яд №2. Трава

Мы сели на поезд в никуда. Я так называю его потому, что он никуда не идет. И вообще это не поезд, а просто несколько вагонов-цистерн, сцепленных между собой и благополучно забытых кем-то на запасном пути на нашей станции. Между шпал каждый год вырастают свежие сорняки, а вагоны все так же продолжают считать года. И есть что-то трогательное в этом бездействии, что-то схожее со мной.

Итак, я, Лука, Ваня и Андрей сидели верхом на одной такой цистерне и курили траву. Небо было по-мартовски пасмурным и тяжелым, мы пускали в него сизый дым, и он как будто еще больше наполнял небеса тяжестью. Мне постоянно казалось, что скоро они не выдержат и обрушат на нас весь свой вес, если вдруг мы перестанем подпирать их с земли своим смехом.

Так мы и сидели, несли бред и смеялись, а маленький Иисус, который в последнее время повадился везде с нами ходить, бродил внизу. Он ковырял палкой под вагонами и что-то бормотал себе под нос, как делают все обычные дети. Родившись всего несколько месяцев назад, этот паренек уже походил на крепкого дошкольника, поскольку рос с невероятной скоростью, однако, кроме этого, он больше ничем не выделялся среди остальной детворы.

– Что-то не похож он на мессию, – выразил Лука мои мысли и хитро прищурился, – хотя, по идее, раз появился под Рождество и носит такое имячко, просто обязан творить чудеса. Да он нас должен был этими чудесами заваливать уже!

– Кстати, – Андрей, приснул в кулачек, – вы замечали, что на всех иконах нимб, нарисованный вокруг головы какого-нибудь святого, до жути похож на шлем скафандра. Прямо как у космонавтов.

– Может, святые – это те люди, кто побывал в космосе и увидел там бога, – заметила я, – поэтому они и святыми и стали.

Лука заспорил со мной:

– Вот, например, Юра Гагарин там был. И когда он домой после полета вернулся, то сказал всем: «Я летал в космос, но бога там не видел». Не помню, как там было в точности, но примерно как-то так, я читал.

– Просто у каждого свой бог, вот и все, – ответила я. – Для Юры это, может быть, был Циолковский. Или Белка со Стрелкой вместе взятые. Или карандаш, которым он писал там в бортовом журнале. Вы ведь в курсе? Американцы десятки лет бились, чтобы изобрести ручку, пишущую в невесомости, а наши космонавты всю жизнь карандашом пользуются...

– Знаете, – мои рассуждения прервал ранее молчавший Ваня, – я все-таки думаю, что святые – это те, кто побывал в космосе и сошел там с ума.

Все замолчали.

И молчали бы еще долго, потому что нас отпустило, и как будто свинцовая плита придавила тело каждого из нас.

Но Лука нарушил тишину и крикнул:

– Эй, Иисус! Слышь, малой!

Мальчик повернулся к нам.

– Мы хавать хотим. Давай, может, замутишь нам чудо? А, малыш?

Иисус ничего не отвечал, только смотрел на нас снизу вверх.

Лука, а за ним и Ваня с Андреем, стали не спеша спускаться с цистерны по скользким металлическим ступеням. Спустившись, они обступили несчастного ребенка. Ваня достал из кармана неизвестно сколько пролежавший там маленький сухарик, какими обычный российский гражданин так любит закусывать пиво, и покрутил им перед носом у Иисуса.

– Охерел что ль заначки делать? – шутливо огрызнулся Андрей. – Дай сюда, я его сейчас съем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.